

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Туркульца Ивана Алексеевича
«Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в художественных
текстах М.А. Шолохова», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский
язык

Диссертация И.А. Туркульца принадлежит к кругу исследований, значимых уже самим выбором материала. Она сосредоточивает внимание на фразеологии, использованной М.А. Шолоховым – автором, интерес к произведениям которого не ослабевает с годами. Можно назвать около 150 работ разного объема и весомости, целенаправленно сосредоточивающих внимание на лингвистических аспектах творчества этого писателя.

Обращаясь к объекту исследования, добавим: если не считать публикаций самого диссертанта, список изысканий по фразеологии и паремике в текстах М.А. Шолохова включает не менее 40 наименований. И все же подход И.А. Туркульца оказывается новым, так как лежит на перекрестье множества аспектов: системного, поскольку изучаются единицы фразеологического подуровня языковых знаков, лексикографического, поскольку выявляются детали квалификации фразеологических единиц как языкового материала в словаре, лингвокультурологического, поскольку речь идет об отражении фрагментов языковой картины мира в этническом сознании, функционально-стилистического, поскольку осмысливается роль фразеологических единиц с соматизмами в художественном тексте, лингвокогнитивного, поскольку анализируется тяготение креативной языковой личности к отбору и употреблению особого разряда фразеологических единиц для реализации текстового смысла. Эта мультивекторность заставляет по-новому взглянуть на потенциал и самого языкового материала, и художественного мышления отдельного писателя.

Уместным оказывается выбор круга самих фразеологических единиц, объединенных общей сосредоточенностью на образах частей тела человека: во-первых, это позволяет акцентировать внимание на тех единицах, семантика и внутренняя форма которых связана с попытками человеческого сознания соотнести все окружающее человека с ним самим, а во-вторых – дает возможность обратиться к художественному мышлению М.А. Шолохова, который известен как мастер изобразительной детали, и исследовать специфику зрительной детали, создаваемой единицами фразеологического характера. В соответствии со сказанным темой исследования и ракурсом рассмотрения объекта как следует охарактеризовать как **актуальные и новые**.

Достоверность результатов диссертационной работы И.А. Туркульца обеспечивается, во-первых, основательностью теоретико-методологической базы исследования, включающей наиболее значимые и необходимые труды по семасиологии, диалектологии, фразеологии, лингвокогнитологии, этнолингвистике, лингвокультурологии, языку писателя (общий перечень работ по истории и теории вопроса составляет 206 наименований), во-вторых – об-

стоятельностью выборки материала, привлекаемого к рассмотрению (156 фразеологических единиц в 350 контекстах из 25 художественных произведений М.А. Шолохова анализируются на общем фоне почти 6000 фрагментов, в которых встречаются соматизмы лексического подуровня), в-третьих – привлечением 14 авторитетных лексикографических источников, в которых зафиксирована общенародная и территориально ограниченная лексика и фразеология (во Введении (видимо, ошибочно) указано, что таких словарей 12, но в перечне на с. 14 их на два больше) и электронного «Национального корпуса русского языка», в-четвертых – обращением к сбалансированной системе общенаучных и собственно лингвистических методов исследования. О продуманности выбора методов говорит комментарий на с. 7 диссертации, разъясняющий алгоритм их привлечения на отдельных этапах работы.

На защиту выносятся пять положений, каждое из которых в целом последовательно и логично аргументируется в ходе изложения результатов исследования. Следует заметить, однако, что не все эти положения равнозначны по своей весомости. Вряд ли есть необходимость отстаивания первого и второго положений, ведь именно художественные тексты в первую очередь издавна служат для лексикографов источником составления картотек языковых единиц как лексического, так и фразеологического типа, а мысль о варьировании и трансформировании фразеологических единиц в художественной речи развивается во множестве лингвистических трудов, в том числе и диссертационного, и просто монографического плана. Оба эти положения, тем не менее, очень важны для изложения исходных позиций диссертанта, поскольку именно их надо учитывать в качестве точки отсчета.

Самым важным является третье положение, в котором утверждается значительность роли и разнообразие функций фразеологических единиц с соматизмами в художественном творчестве М.А. Шолохова. Заметим, кстати, что можно (хотя и без особой точности) определить избирательность и в то же время внимательность Шолохова в привлечении единиц анализируемого типа к созданию художественных образов: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова содержит 329 фразеологизмов с компонентами *голова, рука /руки, нога/ноги*, то есть в исследуемых художественных текстах данного писателя привлечена приблизительно половина таких единиц. Если учесть данные опубликованного в 2015 году «Фразеологического словаря языка М. А. Шолохова» А.И. Васильева (где помещено около 3000 словарных статей, описывающих наряду с фразеологизмами в узком смысле еще и пословицы, поговорки, крылатые выражения, а единиц, составляющих «фразеологическое расширение», у Шолохова использовано, по моим подсчетам, более 400), то на долю фразеологических единиц с соматизмами приходится свыше 6%. Это действительно значительный слой фразеологического корпуса современного русского языка.

Думается, автор прав, утверждая, что избранные им единицы с вышеупомянутыми тремя соматизмами составляют ядро соматических фразеологических единиц в анализируемом им материале, но все же стоило бы для со-

поставления назвать число аналогичных единиц с компонентами *глаз, нос, рот, губа, зуб, ухо, затылок, шея, плечо, палец, спина, живот* и т.д. (в оправдание диссертанта в скобках скажем, что нельзя объять необъятное в рамках одной работы, и высказанное здесь пожелание можно рассматривать в качестве одной из перспектив дальнейшей работы).

Хотелось бы также, что бы при формулировке последнего положения, выносимого на защиту, упор был сделан не на простой перечень функций фразеологических единиц с соматизмами в художественных произведениях М.А. Шолохова, а на их ранжирование (какие функции выступают в качестве наиболее активных?). Конечно, в ходе работы И.А. Туркулец дает ответ на этот вопрос, что легко заметить при чтении второй, третьей и четвертой глав, где очень скрупулезно подсчитаны единицы, составляющие каждую семантическо-тематическую подгруппу и – соответственно – реализующие определенную функцию в тексте, так что претензия сводится лишь к формальному требованию следования дедуктивному подходу.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что на репрезентативном материале доказана выдвинутая автором гипотеза о дивергентном расширении и нюансировке семантики фразеологических единиц в индивидуальном употреблении творческой личностью и в соответствии с художественным замыслом, а также о том, что единицы, имеющие общие элементы внешней формы, способны создавать на фразеологическом уровне мерцающую, колеблющуюся семантику, зачастую совмещая поверхностный и глубинный семантические смыслы.

Важными результатами, которые создают **новизну исследования**, видятся, во-первых, определение корпуса фразеологических единиц с соматизмами, используемых М.А. Шолоховым в его художественном пространстве, во-вторых – выявление соотношения в нем общенародного и диалектного пластов единиц и уточнение авторских предпочтений в отборе и применении конкретной единицы из ряда синонимов или квазисинонимов (если подходить к фразеологии как единой системе изобразительно-выразительных средств не только в литературном языке, но и в других сферах национального языка), в-третьих – обнаружение специфики действия общечеловеческих ассоциаций, на которые опираются фразеологические единицы с соматизмами, в текстах, воссоздающих мировидение донских казаков (думается, не случайно диссертант отказался от включения в материал отрывков из романа «Они сражались за Родину», которые на такой картине мира не сосредоточены).

К достоинствам диссертанта следует отнести умение логично и кратко формулировать основные тезисы. И.А. Туркулец достаточно умело владеет средствами научного стиля, что обеспечивает доступность изложения. **Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, в целом можно оценить как высокую.**

Любое научное исследование при всем стремлении автора к объективности не может не содержать дискуссионных элементов, поскольку читатель

имеет дело с готовым текстом, а детали мыслительного процесса его создателя остаются сокрытыми от стороннего наблюдателя. При знакомстве с данной диссертацией, в частности, возникают следующие замечания и вопросы.

При изложении истории вопроса и составлении библиографического перечня диссертант придерживается принципа избирательности. Понятно, что список литературы не может быть бесконечным и к его формированию надо подходить рационально, не включая в него тех работ, которые, хотя и имеют отношение к решаемой проблеме, могут показаться избыточными (на этом основании в перечень вошли не все работы, посвященные фразеологии в текстах М.А. Шолохова). Однако труды, упоминаемые в истории вопроса, следует отражать в составе библиографии. Между тем на с. 6 диссертации перечислены имена А.Г. Абрамовой, И.У. Аджиевой, Г.Ц. Гацайниевой, З.А. Лайпановой, Д. Миркария, М.И. Мугидовой, Н.С. Рахмоновой, Й. Русецкой, Н.В. Синицыной, Р.О. Шейховой (фигурирующие, кстати, и в статьях И.А. Туркульца), которых нет в общем перечне литературы. Зато в нем есть работы О.А. Суторминой, В.А. Тишкова, Ф.П. Филина, которые не упоминаются в самом тексте диссертации.

Первый параграф первой главы, посвященный понятию соматизма, содержит указание на различия в дефинициях соответствующего термина. Однако аргументации в пользу какого-либо из них в этом фрагменте диссертации не обнаруживается. Далее, на с. 32, И.А. Туркулец все же определяет соматизм: «часть тела человека». Точнее было бы сказать, что это не часть тела, а лишь ее наименование. На этой же странице автор почему-то отказывает лексеме *сердце* в праве быть отнесенной к числу соматизмов. Значит ли это, что наименование любого органа человеческого тела (типа *язык, печень, селезенка, желудок*) также не надо относить к соматизмам?

На с. 29 диссертант дает типологию трансформации фразеологических единиц в художественной речи, называя 6 типов. В качестве основания для классификации автор указывает следующее положение: «...основным критерием для определения того, в трансформированном или в узуальном виде употребляется ФЕ в тексте, является соответствие/несоответствие формы ФЕ в произведении форме ФЕ, зафиксированной в словарях». Неясным при этом остается включение в классификацию на том же основании типа «д» – «буквализация ФЕ, столкновение в одном контексте прямого и переносного значений», ведь у такой единицы форма остается неизменной.

Помещение сведений о структуре тематической классификации фразеологических единиц с соматическим компонентом в выводах к первой главе кажется композиционно неоправданным. Целесообразнее было бы сообщить об этом в первом параграфе второй главы или же посвятить этому вопросу отдельный параграф в первой главе.

Возникают и критические соображения по поводу оценки семантики или происхождения отдельных фразеологических единиц. Иногда диссертант выдвигает версию интерпретации семантики фразеологической единицы, оставляя ее без достаточной аргументации. Возможно, для него это представляется

очевидным, но исследование выиграло бы, если бы читателю можно было иметь дело с доказательствами, а не обращаться самому к речевому материалу. Так, на с. 46, рассматривая фразеологическую единицу *выписывать кренделя*, И.А. Туркулец предлагает в словарных статьях говорить об опьянении как о наиболее возможной, но не единственной причине нетвердой, заплетающейся походки. Он резюмирует: «значение ФЕ можно записать так: ‘идти нетвердым шагом, шатаясь, заплетающейся походкой (например, в состоянии алкогольного опьянения); двигаться зигзагами’». Действительно, примеры использования данной единицы в Национальном корпусе русского языка дают основание для этого, но в исследовании они не приводятся.

Другой пример подобного рода – декларация на с. 52 дис. тезиса о том, что Шолохов трансформирует фразеологическую единицу «стоять на своих [собственных] ногах ‘быть самостоятельным, не нуждаться в поддержке, помощи’ [см. ФСРЯ, с. 459, ССЯ, с. 361]», «заменяя компонент “стоять” на глагол движения (“идти”, “добираться”), употребляемый в прямом смысле, тем самым буквализируя значение ФЕ, которая, сохраняя сему ‘без посторонней помощи’, в контекстах описывает не самостоятельность жизни в целом или в каком-либо ее аспекте, а самостоятельность отдельного действия – пешего передвижения». Однако обращение к тому же «Национальному корпусу» позволяет усомниться в правильности этого утверждения. М.А. Шолохов не трансформирует фразеологическую единицу, а употребляет ее в соответствии со сложившейся традицией (приводимые ниже цитаты убеждают в существовании подобных употреблений начиная, по крайней мере, с середины XIX века), ср.: *Корчагин знал, что если он слезет с лошади, то принимать участие в маневрах не сможет, он не пройдет и километра на своих ногах.* (Н.А. Островский. Как закалялась сталь. 1930-1934); *Ну, барин, прощай; я тебя подвез, а таперича уж ты ходи на своих ногах; мне пора восвояси.* (Андрей Белый. Серебряный голубь. 1909); *С женщинами шли на своих ногах дети, мальчики и девочки.* (Л.Н. Толстой. Воскресение. 1899); *С тех пор, как он мог ходить на своих ногах, он летом постоянно был на улице и вполне приучался к заводской жизни: сначала валялся в песке и грязи, потом стал бегать по этой грязи и песку в рубашке, без штанов и обуви <...>.* (Ф.М. Решетников. Горнорабочие. 1866); *Наскоро нахлебавшись кислого кофе у Кикши, я сел в карету Невского проспекта и частью в карете, частью на своих ногах добрался к обетованному уголку.* (А.В. Дружинин. Дневник. 1845).

Единицу *быть подкованным на все четыре ноги* в шолоховском контексте «До начала приемных испытаний с тобой позанимаются преподаватели, и к осени будешь ты (Варя – И.Т.) у меня *подкована на все четыре ноги*, факт!» (ПЦ 2, XXV) диссертант на почему-то интерпретирует как «индивидуально-авторскую трансформацию, использование образа и содержания ФЕ *хромать на обе ноги*» (с. 84 дис.). Неясно, почему игнорируется очевидный образ коня, подкованного на четыре ноги и потому хорошодвигающегося. В художественной речи встречаются варианты такой единицы, ср. употребление одно-

го из них, явно авторского, в тексте «Крушения республики Итль» Б.А. Лавренева (1925): «– Тьфу! – сказал он, – я думаю, легче верблюду влезть в эту самую библейскую иглу, чем разговаривать придворным слогом. Я вывихнул начисто язык. Но все же мальчишка *подкован на все четыре лапы*»; ср. также другой пример: «Теперь насчет языка я *подкован на все четыре*, – возвестил он» (В. Гранов, А. Рохович. Вместе с народом. Язык искусства // «Советское искусство». 1939. № 1 (581)).

Руководствуясь, очевидно, известной теорией А.А. Потебни о том, что фразеологическая единица (в терминологии ученого – поговорка) может быть результатом стяжения более крупного текстового фрагмента (например, пословицы), И.А. Туркулец высказывает предположение о происхождении фразеологизма *снять голову* как результате «усечения (редуцирования) компонентов известной крылатой фразы Петра *снявши голову, по волосам не плачут* со значением ‘при большем горе нет смысла печалиться о второстепенной неудаче’» (с. 134 дис.). Судя по всему, имеется в виду царь Петр I. Однако словосочетание *снять голову* в значениях ‘убить’, ‘строго наказать’ отмечается Словарем русского языка XI–XVII веков (вып. 26, с. 9) как самостоятельное и зафиксированное в XVII веке, причем второе значение иллюстрируется цитатой из «Частной переписки князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников» 1682 года (когда Петру I было всего 10 лет).

В другом случае (сс. 138–139 дис.) диссертант считает, что выражение *смерть [смертынька] в головах стоит* «представляет собой усечение поговорки *хватился монах, когда смерть в головах*». Думается, однако, что здесь имел место обратный процесс: пословица могла возникнуть как результат метафоризации переменного предложения, в состав которого входила фразеологическая единица. Сама же эта единица опирается на образ, закономерный для славянского мифологического сознания: смерть, по представлениям наших предков, была живым существом, которое становится в головах у любого умирающего, чтобы забрать его душу, вылетающую из его рта с последним выдохом.

Справедливости ради, заметим, что случаи спорных интерпретаций в диссертационном исследовании единичны. В большинстве же автор дает вполне аргументированные объяснения речевых фактов. Кроме того, подобные частности не влияют на общую концепцию диссертации и не снижают общего впечатления о достаточном уровне теоретической подготовки диссертанта и его способности к вдумчивому анализу материала.

Практическая значимость проведенного исследования видится в возможности использования методики, применяемой И.А. Туркульцом, для исследования особенностей функционирования фразеологических единиц с соматизмами в других текстах художественной литературы, а также в уместности и целесообразности использования выводов работы в таких учебных общих и специальных филологических курсах, как лексикология, лексикография (в том числе авторская), фразеология, лингвокогнитология, лингвокультурология, анализ художественного текста, идиостиль М.А. Шолохова.

Подводя итог анализу, следует отметить, что тема оппонируемой диссертации полностью соответствует научной специальности 10.02.01 – русский язык; полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать заключение о достижении поставленной диссертантом цели; основные положения исследования прошли необходимую апробацию и достаточно полно отражены в 10 единолично написанных диссертантом статьях; текст автореферата соответствует содержанию диссертации.

Личный вклад соискателя состоит 1) в его непосредственном участии в получении исходных данных, 2) в обработке и интерпретации материала оригинальной картотеки функционирующих в художественном творчестве М.А. Шолохова фразеологических единиц с соматизмами, в которой зафиксировано 156 единиц, на фоне около 6000 случаев контекстного употребления тех же соматизмов на лексическом подуровне, 3) в личном участии в апробации результатов диссертационного исследования на заседаниях девяти международных, всероссийских, региональных, межвузовских научных и научно-практических форумов, 4) в подготовке десяти публикаций по теме исследования, пять из которых напечатаны в пяти разноименных рецензируемых научных журналах из перечня ВАК РФ, а остальные пять – в российских и зарубежном университетских сборниках научных трудов и сборниках материалов вузовских научных конференций.

Считаю, что диссертация «Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в художественных текстах М.А. Шолохова» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Туркулец Иван Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Список основных публикаций официального оппонента
Савенковой Людмилы Борисовны
по теме диссертации Туркульца Ивана Алексеевича
«Фразеологизмы с компонентами-соматизмами
в художественных текстах М.А. Шолохова»

1. Савенкова Л.Б. «Есть чем звякнуть...» Звуки в народном сознании // Русская речь. 2010. № 6. С. 95-101.
2. Савенкова Л.Б. [Рецензия]. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с. // Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 113–116.
3. Савенкова Л.Б. Способы выражения побуждения в русском провербиальном пространстве // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С.110–114.

4. Гаврилова Г.Ф., Коростова С.В., Марченко Л.В., Савенкова Л.Б. Экспрессивный синтаксис Шолохова // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. Научно-технический журнал. Ростов-на-Дону: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2013. № 1 (22). С. 6–18.
5. Савенкова Л.Б. Бог как объект обыденного сознания в творчестве А.П. Чехова // Филология и культура. 2013. № 3. С. 114–118.
6. Савенкова Л.Б. Представление о коллективном субъекте в пространстве современных русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия «Филологические науки». 2014. № 77. Материалы междунар. симпозиума «Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы» (Шестые Жуковские чтения). С. 35–37. Журнал размещен в Интернете на сайте научной электронной библиотеки Elibrary.ru по адресу: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=8523> и на сайте НовГУ <http://www.novsu.ru/vestnik/vestnik/i.78099/?number=1092825>.
7. Савенкова Л.Б. Языковое мастерство М.А. Шолохова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 1 (80). С. 5–9. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23183173>.
8. Савенкова Л.Б. Отрицательное сравнение в семантической структуре русских паремий // Филология и культура. 2015. № 40. С. 101–106. Режим доступа: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=arhiv1&tid=1474>.
9. Савенкова Л.Б. Антипословица; Паремия; Поговорка; Пословица // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Изд-во СибФУ, 2014. С. 49–50; 437–438; 459–460; 481–482.

31.08.2015

Доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык),
профессор кафедры русского языка
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Южный федеральный университет»

 Савенкова Людмила Борисовна

Адрес вуза: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский 93, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ
8(863)218-40-94; e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Савенковой Л.Б.
Совета
ного университета

Чуба, П.Н.